

ПРИЧАСТЬЕ

Кесарь в «немьтой России»
Воцарил на века.
В полк Тенгинский — мессию
С глаз долой — от греха.

Бурлит Валерик в ущелье.
Смерти не миновать.
Принял в крови крещение,
А царю — исполать.

Поэт, как изгой, отвержен.
Власть пророков гнобит.
Кровавый финал неизбежен.
Он пулей «друга» убит.

Боже! Прости ничтожеств.
Помоги замолить грехи...
А царь Николай ведь тоже
Мог сочинять стихи:

«Туда ему и дорога.
Собаке собачья смерть...»
Дар пророка — от Бога!
Бездарна — зависти месть.

Царь или псарь — убийца?
Да не все ли равно.
Кровь Поэта струится,
Как причастья вино.

ЗЕМНАЯ ГОРЕЧЬ

Не узнать его в лихом рубаке
Со смертельным холодом в очах.
В красной канаусовой рубахе
И в косматой бурке на плечах.

А в хрящах заросшего ущелья
Клокотал реки гортанный крик.
В ярости кипя, на «голос мщенья»
По камням срывался Валерик!

Рукопашный в ледяной купели
Эхом отзывался по горам!
«Резались жестоко» и хрипели:
«Господи, спаси!» — «Аллах Акбар!»

Досыта свинца тогда хлебнули.
Но невидимым покровом крыл
От кинжала и чеченской пули
Охранил архангел Михаил.

Дождь хлестал, и выл протяжно ветер.
Пенилось кровавое вино.
Небо заглянуло в реку смерти —
В ужасе отпрянуло оно...

А полынь клонилась под копыта.
И касался конь ее едва.
Все, что душу мучило — забыто.
Исцеляла горькая трава.

Слезы на седых степных ресницах
Отразили сумрак грозовой.
Вновь навстречу буре всадник мчится,
Напоенный горечью земной!

ИСХОД

И в небесах я вижу Бога.
М. Ю. Лермонтов

Огромной огненной купелью
Кипел полночный небосвод.
Поэт не спал перед дуэлью —
Предчувствовал ее исход.

Свеча погасла на рассвете.
Растаял пепел без следа.
И что писал он перед смертью,
Мы не узнаем никогда.

Какие строки родились
Под черным дулом пистолета?
На сердце кровью запеклись
Последние стихи поэта...

Судьбе доверился он слепо.
И роковой замкнулся круг.
Упав на землю, обнял небо
Раскинутым изломом рук.

Открылась звездная дорога
К вершине тверди голубой.
И в миг последний образ Бога
Поэт увидел над собой!

СТЕПЬ

А моя мать — степь широкая.
М. Ю. Лермонтов

У татарника — медовый запах,
Но роднее горькая полынь.
Не перестает о сыне плакать
Зноем горя выжженная синь.

«Странная любовь» — любовь до боли.
И не всем ее дано понять.
Только степь ему была, как мать.
И о ней он тосковал в неволе.

У горы Машук в чужом краю
Перед смертью родину он вспомнит.
И полынь седая тихо склонит
Над поэтом голову свою...

ТАКАЯ РУССКАЯ СУДЬБА

Поэт по склону Машука
Взошел на русскую Голгофу.
И хлынул ливень на века!
От грома Петербург оглохнул.

Казалось, молнией гроза
Его сразила, а не пуля...
«Собачья смерть» — так царь сказал —
Псарь руки потирал, ликуя.

Такая русская судьба.
«Чего везете?» —
«Грибоеда»...
И вновь прокрустова арба
Лафетом стала для поэта.

Не поместилось тело в ней,
Забрызганное красной глиной,
К земле клонилось все сильнее
Кустом надломленной рябины.

Повержен демон — и уста
В усмешке горестной застыли...
Пророка, снятого с креста,
Без отпеванья схоронили.

ДОЖДЬ В ТАРХАНАХ

И снова дождь пошел в Тарханах,
Окутав дымкой степь кругом.
Так плавно с колокольни храма
Волною наплывает звон.

Поэта в церкви отпевают.
Дрожат молитвенно уста.
И оживают, оживают
Глаза распятого Христа.

Он в светлой муке всепрощенья
С молящихся не сводит глаз,
Благословляя за мученья,
Которые принял за нас...

Июльский дождь идет в Тарханах.
Июльский благодатный дождь.
Земли залечивая раны,
Шумя, как молодая рожь.

И вспомнится лиловый ливень
У проклятой горы Машук.
Да! Трудно выбрать смерть «счастливей».
От пули. Молодым. Без мук.

Да! Лучше умереть на взлете,
Чем на излете умирать...
И вырвалась душа из плоти,
Чтобы обнять, тоскуя, мать.

Летающую над черной бездной
Ее — архангел Михаил
Всем воинством своим небесным
От злого демона хранил...

Шумит под дождиком осока.
И тихо дремлет старый пруд.
А надо, в сущности, немного.
На миг остановиться тут.

Услышать благовест рассвета
И вдруг увидеть рай земной.
Мятежная душа поэта
В нем светлый обрела покой.

СОЛОВЬИ

Есть загадка у песенной силы,
И ее нельзя разгадать.
Соловиный язык России
Может только поэт понять.

И весной на рассвете рано,
От росы охмелев до зари,
Только так в родимых Тарханах
Могут русские петь соловьи!..

Сердце снова забыться хочет.
Окунуться — хотя б во сне —
В синеву соловьиной ночи
И вишневой метели снег.

Нет! Последняя песня не спета.
Потому от зари до зари
Над свинцовой купелью поэта
Так безумствуют соловьи!